I 47/158

Цена в Москве 2 р. 25 к.
вне Москвы 2 р. 50 к.

Раскрепощение молодежи должно быть делом самой молодежи!

Журнал
Жизнь и Творчество
Русской Молодежи

Иллюстрированный общественно-политический и литературно-научный еженедельник.

№ 12. МОСКВА, 1 декабря 1918 г. № 12.

Редакция и главная контора открыты по вторникам и четвергам от 5—7 час. вечера. Москва, 1-я Мещанская, 50, кв. 12.

СОДЕРЖАНИЕ № 12.

1. Пропаганда анархизма среди молодежи—статья Н. Маркова. 2. Библиотека молодого анархиста. 3. Новый человек—стих. А. Никанорова. 4. Мне нужны крылья—стих. Высочанского. 5. Пошла писать губерния—фельетон Н. Кузнецова. 6. Пророчество—стих. А. Никанорова. 7. Стою одинъ—стих. А. Вашкова. 8. Ты, мой маленький бог—стих. А. Вашкова. 9. Тому не быть—рассказ А. Вашкова, иллюстрированный автором. 10. Труд—стих. Л. С. 11. Как счастлив тот—стих. Веры Липпе. 12. Живому слову—стих. А. Никанорова. 13. Хроника. 14. Смесь и задачи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ: 1. Обложка работы П. Голованова. 2. Рабочая и учащаяся молодежь на репетиции—П. Голованова. 3. 9 иллюстраций к рассказу „Тому не быть"—работы А. Вашкова.

Следующий № 13 выходит 8 декабря.

Пропаганда анархизма среди молодежи.

Насколько велика задача молодежи в вопросе пропаганды анархизма и насколько мало сделано в этой области самой молодежью,—говорить излишне; нужно-ли приводить здесь слова о том, что анархисты—„бандиты", „нравственно-погибшие" люди с „страшными лицами", с „бомбами под мышками, с патронами за поясом и револьверами в руках", чтобы лишний раз доказать, как невежественно еще наше общество и как мало оно знакомо с святым учением—с учением анархизма.

Для борьбы с этим злом, а также для более успешного раскрепощения духа, молодежи необходимо как можно больше знакомить наших молодых товарищей с идеей анархизма путем чтения докладов, лекций, распространением анархической литературы, устройством митингов, выписыванием газет и журналов этого направления и организацией всевозможных групп и союзов анархично-мыслящей молодежи.

Только при этих условиях идеи анархизма получат должное освещение, должное понимание, и только тогда анархизм может проникнуть в толщу молодежи.

Не следует также забывать, что для истинного знакомства с учением анархистов необходимо читать литературу не тех лиц, которые не сочувствуют последним и по вполне понятным причинам клевещут на их учение, а тех, которые распространяют эти идеи, которые основали учение анархизма, как-то: Годвина, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Штирнера и отчасти Л. Толстого за исключением его учения о религии*).

Анархическая пропаганда настолько сложна и разносторонна, что не поддается какой-либо схематизации, ибо анархизм далек от того ложного единства, которым гордятся партии. Партийная дисциплина пускает в ход искусственные связи и принуждает, а принуждение всегда приводит к ложному единству. Истинное же единство, наоборот, добровольно и естественно. Особенно важна действительная реальная солидарность, благодаря чему анархисты везде и при всяких обстоятельствах легко узнают друг друга. Ведь только между одинако-мыслящими людьми возможна истинная кооперация, так как они соединятся добровольно, ясно представляя цель совместной работы и не допуская ни подчинения одного другому, ни бесцельной траты сил.

Особенное значение в деле пропаганды и образования целой серии ассоциаций, конечно, имеют газеты и журналы, которые должны быть широко поддерживаемы самой молодежью. Вот что пишет по поводу существования и распространения газет и журналов наш русский учитель анархизма—П. Кропоткин; „Постоянно в моей жизни я слышу жалобы партий на недостаток средств, но чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что главное наше затруднение не в недостатке денег, а в недостатке *людей*, которые твердо и неуоснительно шли бы к намеченной цели и вдохновляли других. Вот уже 27 лет, как наша газета*) живет изо дня в день; воззвания о помощи появляются чуть-ли не в каждом номере. Но покуда есть люди, которые вкладывают в дело всю энергию, как делали Герцит и Дюмартрэ в Женеве, а теперь, вот уже более 20 лет, делает Грав в Париже,—деньги являются. *Для газеты, как и для всякого другого дела, люди дороже денег*".

Из сказанного явствует, что секретом довольно сильного распространения анархической печати на Западе и в России являются люди, вкладывающие в газеты и журналы всю свою энергию. Это и нужно всегда помнить молодым товарищам при распространении анархической прессы.

Не менее важным орудием пропаганды являются также песни, портреты и поэтические произведения, в коих дух возмущения против рабства проступает особенно сильно и ярко. Следует заметить, что поэтические произведения агитационного характера гораздо свободнее и резче, а их рапсодический характер способствует более широкому распространению; язык подобной литературы нередко бывает груб и циничен.

Говоря о пропаганде анархической литературы, не следует также терять из виду, что большое значение имеет агитация и участие во всех движениях рабочей, крестьянской и учащейся молодежи с целью пропаганды своих принципов и увлечения масс на путь осуществления их; в пропаганде и в деятельности следует всегда придерживаться принципов социализма, т.-е. поднятия народного сознания и обращения в общее-пользование всех богатств для благосостояния и свободы каждого, необходима также собственная революционная инициатива, а там, где индивидуальной инициативы недостаточно,—нужно сотрудничество многих лиц и общих средств.

Принимая во внимание, что всеобщая революция нуждается в сотрудничестве всех организованных и согласных сил революционного анархизма, крайне важно отдельным группам и союзам молодежи об'единиться в волостные, уездные, губернские и областные федерации, а в дальнейшем—во Всероссийскую федерацию анархических групп и союзов молодежи.

Н. Марков.

*) Ниже мы приводим неполный список литературы анархизма с указанием где можно ее достать.

*) Газета „Le Révolté", основан. Кропоткиным в феврале 1879 года в Женеве.

БИБЛИОТЕКА МОЛОДОГО АНАРХИСТА.

Со склада Московской федерации анархистских групп (Москва, Тверская, Настасьинский пер., д. № 1, бывш. „Кафэ поэтов") можно выписывать и приобретать следующую литературу:

Голод, невежество, страх. Ц. 7 к.
Себ. Фор. Преступления Бога. Ц. 50 к.
П. Кропоткин. Великая революция. Ц. 30 к.
Тюганов. Социальная революция. Ц. 20 к.
Солоневич. Государство, интеллиг., анарх. Ц. 30 к.
Г. Самдомирский. П. А. Кропоткин. Ц. 15 к.
Атабекян. Передом в анархич. учении. Ц. 20 к.
Атабекян. Вопросы теории и практики. Ц. 25 к.
Чего добиваются анархисты. Ц. 5 к.
В. Э. Письмо анархиста брату-рабочему. Ц. 20 к.
Недрожин. Контр-революция. Ц. 15 к.
Как попы поработили народ учением Христа. Ц. 30 к.
П. А. Кропоткин. Открытое письмо западно-европейским рабочим. Ц. 15 к.
Тотомианц. Политика, как профессия. Ц. 15 к.
Атабекян. Возможна-ли социальная революция. Ц. 15 к.
Кропоткин. Коммунизм и анархия. Ц. 30 к.
Э. Реклю. Моему брату-крестьянину. Ц. 20 к.
Кропоткин. Довольствие для всех. Ц. 20 к.
Атабекян. Основы земских финансовых организаций. Ц. 30 к.
Атабекян. Социальные задачи домовых комитетов. Ц. 50 к.
К. Оргелиани. Революция и революционное правосознание. Ц. 20 к.
Д. Бертолэ. Новое евангелие. Ц. 50 к.
Кропоткин. Государство и его роль в истории. Ц. 60 к.
Кропоткин. Анархия и ее идеал. Ц. 60 к.
Гордин. Почему или как мужик попал в страну Анархия. Ц. 50 к.
Заяч. Как мужики остались без начальства. Ц. 20 к.
Реклю. Эволюция, революция и идеал анархизма. Ц. 1 р.
Боровой. Либерализм, социализм, анархизм. Ц. 50 к.
Мост. Религиозная язва. Ц. 25 к.
Кропоткин. Новый интернационал. Ц. 10 к.
Кропоткин. Политические права. Ц. 10 к.
Ж. Нето. Азбука синдикализма. Ц. 50 к.
Ньюзангус. Социализм в опасности. Ц. 50 к.
Черное знамя. Ц. 2 р. 50 к.
Кропоткин. Хлеб и воля. Ц. 2 р. 75 к.
Кропоткин. Речи бунтовщика. Ц. 2 р. 50 к.
Цоколи. Анархизм, 1-я и 2-я части. Ц. 4 р.
Революционное творчество. Ц. 5 р.
Боровой. Революционное творчество и парламент. Ц. 90 к.
Речи на суде Жоржа Этьевана. Ц. 20 к.
Орган „Безначалие". Ц. 25 к.
Орган „Безвластие". Ц. 30 к.
Кропоткин. Взаимная помощь.
Малатеста. Крестьянские речи.
Кропоткин. Нравственные начала.
М. Бакунин и П. Кропоткин. Парижская коммуна.
Гордин. „Безначалие"—орган союза трудящегося, женщины, угнетенной национальности, молодежи и личности. Основные начала на анархизма. Цена № 25 к.

Там же можно получать комплекты газет Московской, Петроградской, Курской и других федераций, как-то: газ. „Анархия," „Буревестник", „Черное знамя" и др.

Со склада издания книжного магазина „Друг" Москва, Волхонка, 3, можно получить:
Макс Штирнер. „Единственный и его сокровище". Ц. 10 р.

Со склада издательства „Бунтарь" (Москва, Б. Дмитровка, 15, типография Л. Федорова) можно получить:
А. Карелин. Государ. и анархисты. Ц. 2 р. 25 к.
С. Фор. Мировая скорбь.
М. Бакунин. Бог и государство.
Майкай. Анархисты.
Цоколи. Анархизм, I и II томы.
Эльцбахер. Анархизм.

Там же песни и стихотворения анархистов.

Со склада К-во „Революция и Культура" Москва, Тверская, 67,—можно получить:
А. Боровой. Анархизм. Ц. 6 р.
А. Боровой. „Революционное творчество и парламент" (революционный синдикализм) 2 изд. „Союз Труда". Ц. 90 к.
„Клич"—двухнедельник под ред. А. Борового. Изд. Петрова №№ 1—4. Цена № 50 к.

Цены указаны здесь без пересылки.
Дополнительные списки литературы „Библиотеки молодого анархиста" будут указаны.

Новый человек.

Жизнь моя, мои порывы—
Вулканические взрывы;
Я—могущественъ, великъ,
Я—бесстрашенъ, огнелик!
Дни мои, борьбы часы
Мало ведают красы,
Но моей надежды луч
Неизменен и могуч
Пышат горы в груди моей,
Я—ваятель для людей!..
Не щажу ни сил, ни рук..
Совершая жизни круг,
Я иду по бездорожью,
Не встречалась с прошлой ложью...
Справедливость—мой кумир,
А соперник—старый мир!
Жизнь моя, мои порывы—
Вулканические взрывы;
Я—могущественъ, великъ,
Я—бесстрашен, огнелик.

Антип Никаноров.

Любань, Новг. губ.

Мне нужны крылья, чтоб к солнцу лететь,
Мне нужно пламя, чтоб в нем пламенеть,
Мне нужен ветер, чтоб грудью дышать,
Мне нужны звезды, чтоб ночью мечтать.

Мне нужно солнце, чтоб к свету итти,
Мне нужен факел, чтоб смертных вести,
Мне нужны все краски и радости дня,
Все золото мира и пляски огня.

Пусть буду я сильным, свободным творцом,
Могучим, раздольным, простым кузнецом,
Чтоб счастье ковать для себя и других,
Чтоб вечно остаться в среде молодых.

Высочанский.

Пошла писать губерния...

Во многих газетах открылся отдел „Пролетарские посты". Отдел завален стихами.
(*Редакционные жалобы*).

I

Как яркое пламя,
Зарделося знамя,
И понял народ
Что..

— Чорт его знает, чего бы это к народу подобрать?—пробормотал, потирая лоб, Петр Иванович.

— Вперед!—помогла жена сидевшая с каким-то вязаньем в руках.

— Вперед? Гм... Пожалуй, верно... И рифма оригинальная: народ—вперед.. Хорошо! Ей-Богу, хорошо!..

— Ведь ты у меня, Петечка, поэт!

— Ну, это положим!.. — закончил Петр Иванович, но жена подошла и, растягивая слова, томно повторила:

— М-мой поэт, о-о..

Голова Петра Ивановича закружилась от похвалы, и он тут же решил послать стихотворение в редакцию.

— Не может быть, чтобы в пролетарских постах да не напечатали!.. Напечатают!.. А после кырену, никто и не узнает, что в „пролетарских",—размышлял он.

II.

Химик Хлоралгидратов крякнул, обмакнул перо, посмотрел, не много-ли чернил, забрал и написал:

Чиста, без примеси солей,
Вода состава аш два о
Текла, сверкая меж ветвей,
А в атмосфере так тепло!..

Почесал за ухом, улыбнулся довольно и, высунув в поэтическом порыве язык, продолжал:

Небесный меч большою колбой
Был опрокинут над землей,
А я, цианом едким полный,
Лежал, повергнутый тоской...

— Хор-р-рошо! Точно по периодической системе Менделеева жарю! Теперь недурно бы ударить по остальным металловцам.. ну, хоть бы серу что-ли, как фиминам, воскурить... Или фосфор... Образно было-бы, пожалуй, тоску с едким калием сравнить? Или с любовью?

Цыганке.

Как едкий калий,
Сердце жалит
К тебе любовь.
Как едкий натр,
Люблю я шатр,
Где вы живете вновь...

Написал целую груду стихов и послал, с скромностью прося поместить, если представится возможность и место.

— Должны напечатать!—уверенно подумал он, опуская пакет в почтовый ящик.

III.

Миша Склонялев быстрым движением поймал муху и крепко зажал ее в руке. Потихоньку извлек из-под пальцев, оторвал крылья и злобно отбросил в сторону.

— Покусаешься в следующий раз!—пробасил он и снова, углубившись пальцем в собственный нос, о чем-то задумался.

В груди его кипела злоба, любовь, ревность, оскорбленное мужское самолюбие и решимость.

Душа просилась вылиться в стихах.

Наконец, вылилась:

Как свободный урок,
Полюбил я тебя...
Мрачно щелкнул курок,—
Погубил я себя!..

Написав, Миша прослял, а прослав, - бросился в редакцию.

А в соседней комнате, в своем рабочем кабинете корпел над громоздкой стишиной его папаша, врач по детским болезням.

Ничто и дифтерит,
Ничто и скарлатина
В сравнении с тобой
Прелестнейшая Нина!

— Замучился... Не м-могу-у. В изнеможения опустился на пол заведующий беллетристическим отделом газеты.

Сесть ему было негде.

Стол, стул, диван, этажерка,—все было завалено разрозненными листками. На листках прыгали: „знамя", „пламя", „цветы", „мечты".

Одни стихи!..

Дверь заскрипела, отворилась и пропустила вихрастого Мишу Склонялева, потом Марусю Реверансову, потом милицейского, потом модистку Аниту, токаря Металлова, гражданина Шаталова, потом другого гимназиста, другую гимназистку...

Заведующий не выдержал и зарыдал:

— Пощадите.. жена... дети...

Н. Кузнецов.

Если желание выливается из искренности, то результат близок.

А. М. Х.

Рабочая и учащаяся молодежь на репетиции

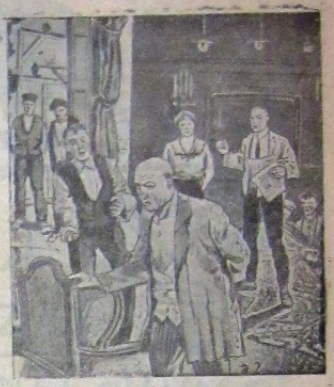

Рис. П. Голованова.

Пророчество.

И взойдет заря ярким пламенем,
И зальет весь мир золотистостью,
И войдут рабы с красным знаменем
В дни добра, любви со цветистостью.

Сгинет зол поток и не станет зла,
Не нарушит мир глас рыдающий,
И в лучах весны будет таять мгла,
И воспрянет Дух Созидающий.

Снизойдет на мир целый сонм идей.
Даст ростки, плоды Мать Чудесная,
И на жизнь земли, на творцов людей
Взглянет с завистью твердь небесная.

Антип Никаноров.

Любань, Новг. губ.

Из сборника „Месяц бледный".

Когда воспоминанья с тихим шумом отлетающих крыльев уносятся в небо.
Ст. Пшибышевский.

(„У моря". Рапсодия 3-ья).

Стою один у дремлющего пруда
И прошлогоднюю ногою мну листву;
И кажется, что я в туман плыву,
Плыву в туман от города и чуда,
И вижу: тает каменная груда,
Скользя чудовищем в немую синеву.
И нет меня,—и больше не живу,
Плыву туда, сняют мне откуда
Твои глаза—далекий океан,
Таящий множество светящихся жемчужин.

Плыву к нему,—он близок мне и нужен
Омыть в нем кровь чернеющую ран..
Но снова явь,—я дерзостно разбужен.
Дома и смех, и люди, и туман...

Анатолий Вашнов.

Ты мой маленький бог—заблужденье,
Окруженный розовыми амурами;
Под моими веками хмурыми
Ты видишь какое сиятенье.
Ты, веселый, бурный и смелый,
Ты, уютный мудрыми одеждами,
Закрываешь мне глаза надеждами;
Я чувствую рот твой спелый.
В моем сердце страстей сплетенье...
Сонно грезишь плечами покатыми,
Обещаешь глазами - агатами...
Ты—мой маленький бог заблужденье.

Анатолий Вашнов.

Тому не быть

Рассказ А. Вашкова.

Уже принесли газеты и самовар кипел на столе, а Виктор Павлович все еще потягивался в кровати, протирал глаза и вставать как будто бы не собирался. Правда, лег он поздно, немного выпил лишнего, но это для него не чудо,—почти всегда так. В окно было видно белые крыши и легкую мелкую пыль снега, взметенную ветром, клубы дыма, стелившегося разнообразными зигзагами. Вставать он не торопился, да и куда ему было особенно спешить, а чай подождать может. После выпивки немного ломило голову, и во рту была какая то неприятная горечь. „Вот пакость",—пробормотал он, налил в стакан воды из графина стоявшего рядом на тумбочке, и стал пить медленно большими глотками. Вчера произошла нелепая история: „Муня", его жена, после брани и слез ушла от него, на прощание заявив, что она еще вернется за вещами. Было глупо, скучно и смешно. Вспомнив, Виктор Павлович как то нехотя улыбнулся и снова опустил голову на подушку. Он сам даже еще ясно не мог понять, отчего какое-то безразличное настроение овладело им. Он хотел было снова перебрать все происшедшее в памяти.

„Да ну их всех к черту",—чуть было не крикнул он, но потом вспомнил, что рядом в другой комнате спала его сестра, восемнадцатилетняя Катя. „Конечно! Вот тоже привяжется иногда какая-нибудь надоедливая мысль и ничем не отгонишь... Не все ли мне равно! Ну вспылила, наговорила чепухи, разрыдалась, а из чего ведь все? Кхэ! Смешно. И неужели она могла когда-нибудь воображать, что я, кроме нее, ни одной женщины знать не буду... Прямо-таки в буквальном смысле „здрасте" да „прощайте", а если и разговаривать то о политике да дороговизне! С женщинами да о политике! Хи-хи-хи,—рассмеялся он каким то странным дискантом и немного даже сам удивился. Потом он еще пролежал минут пять и даже закрыл глаза. „Ну, однако, довольно всякой чепухи",—сбросил одеяло и соскочил с кровати на холодный пол. „Пф, ну и холод; и что это подлецы совсем топить перестали". Посмотрел на термометр. „Четырнадцать! Странно, а мне что-то холодно показалось". Скоро он оделся и подошел к умывальнику. В стенку два раза стукнули...

— Виктор, встал?!—послышался звонкий голос за стеной...

— Умываюсь,—крикнул Виктор Павлович и стал умываться. Когда он умылся, то накинул халат, причесался и сел к столу...

В дверь высунулась маленькая белокурая головка.

— Ты уже! Разве я проспала?

— Нет, что ты, иди скорей. Как спала?

— Восхитительно. Я сейчас,—и головка исчезла.

Он знал, что через два часа придет жена, снова произойдет тягучее об'яснение и поморщился .. „Ба",—стукнул он себя по лбу,—„вот это остроумно: я через час отсюда куда-нибудь улизну, оставлю записку, а то еще Катя может мне что-нибудь передать... Ну, конечно, так и сделаю",—помешал чай и перевернул газету... Скоро вышла Катя, молоденькая, гибкая, с маленькими ямочками на щеках, веселая и бойкая... Подошла тихо, осторожно.

— Здравствуйте, идеальный муж!

Виктор Павлович обернулся и засмеялся:

— Вот насмешница! Такие тяжелые минуты переживаю, а она смеется. Иди—поцелую.—Она легко, почти прыгнула, обняла его и поцеловала. „Как целуется", — подумал он, — „любая женщина могла бы поучиться". Потом откинулся и посмотрел на нее, все еще не выпуская ее из рук: „вот какая у меня сестра то",—подумал он и чуть-чуть подмигнул: „красавица, право, эх жалко, что я брат"...

— Катя, скажи, вышла бы ты за меня?!

Та звонко рассмеялась...

— Вот до чего ты додумался—брат на сестре женится! Ха-ха-ха!—и она вырвалась и села у стола...

— Ах, ты глупенькая, да ведь в другом смысле говорю; ну если бы, предположим, я не был бы тебе братом,—тогда что?!

— Сначала влюбиться надо,—как ты все скоро решаешь! Да тебе на еще чаю?!

— Надо. Налей... Нет, слушай, да разве ты в меня не влюблена?!

— Чуть-чуть, капельку! Тебе покрепче как?! Я уж забыла, какой ты пьешь.

— А вот угадай. Я загадал: угадаешь значит правильно я задумал.

Она раскрыла глаза и развела руками.

— Задумал?! Вот еще новости. Что же ты мог такое задумать?

— А вот потом скажу.

— Ладно, ладно, посмотрим.

Она налила ему крепкого, крепкого чаю и пододвинула стакан.

— Ты уже! Разве я проспала?

„Ну и чушью же я занимаюсь",—сказал про себя Виктор Павлович,—„я, впрочем, ужасно надоело быть серьезным, корчить из себя какого то делового человека, во всем находить недостатки. Как это скучно. К черту!"—посмотрел на чай и улыбнулся

— А ведь сильно же ты меня, однако любишь!

Катя, сама не зная отчего, покраснела и закрыла глаза, но вдруг махнула головой:

— Да, люблю! Чего же тут такого особенного! Разве ты недоволен?

— И неужели она могла когда нибудь воображать, что я, кроме нее, ни одной женщины знать не буду...

— Задумал?! Вот еще новости. Что же ты мог такое задумать?

— Я? Да, я безумно счастлив... Слушай, что я придумал... Я сейчас уйду; придет Муня,—так ты ей заяви: что ей нужно пусть тебе передаст или записку оставит; вещи может взять.

— Да ты шутишь, Виктор?

— Чего-ж тут шутить—ясно сказано... Надоело мне нянчиться: ни пойти ни куда, ни поехать; все куда да к кому, когда вернешься. И прочая чепуха... А мы будем жить с тобой вдвоем, оба свободные, по театрам будем ездить, по гостям и никому незавидно... Разве глупо?

Она сразу не отвечала; ей это показалось не только странным, но как будто и диким. „Как он ее любил! И вдруг такую вещь сказать,—что то уж очень странно! Так, шутит, по всей вероятности!"

— Ну, как же, глупо я придумал или нет?

— Да, глупо... Да разве ты сам не понимаешь, что завтра же будешь стоять перед ней на коленях и просить прощения! А ты...

Он ее прервал.

— Это с чего же ты взяла?!

— Да ведь ты ее безумно любишь,—ведь так?

Он как будто бы немного смутился, но не надолго.

— Так то так, да вот слушай, что я тебе скажу... Женщина, как цветок: он хорош, когда растет, где ему вздумается, а стоит его только перенести в комнаты, так он начинает вянуть и ронять лепестки и в результате останется один голый стебель. . Ну, понимаешь?

— Ха-ха-ха-ха,—рассмеялась Катя.—Давно ли это ты таким философом стал!

— Женщина как цветок.

— Жизнь научила,—вот и философствую, а ты говоришь, что глупо! Нет, это даже очень и очень не глупо... Будем всегда влюбленными, и тогда никаких сцен глупых не будет, никаких ссор.. Да, впрочем, разве то я выдумал,—это уже не ново, давно всем известно.

Катя недоумевающе посмотрела на него, заглянула в его большие серые глаза, и глаза, переливаясь и перекатываясь лукавыми брызгами, ясно и четко ответили: „нет, я не шучу, я на самом деле так решил". И получив такой ответ, Кате почему то стыдно и совестно. Мысли беспорядочные причудливые как сумасшедшие закружились у нее в голове в каком то диком танце. И сразу выплыло заплаканное лицо Муни,—Муни, когда то светлой, резвой девочки, с ясными тихими глазами. Вспомнила, как она, Муня, приходила к брату в большой летней шляпе, с тоненькой узенькой черной леточкой, в легком синем пальто. Приходила, садилась вот здесь, на диване, ждал», чертя зонтиком по квадратикам пола.

Осенью ездили в Финляндию, сидели на горячем песке, щурясь от солнца.

Телефонный звонок заставлял ее радостно вздрагивать. С бьющимся сердцем она брала влажной рукой телефонную трубку.—Да, давно, что же ты?—Жду. Едешь, да? Милый, хорошо, нет ни одна, Катя здесь? Что? Ничего, разговариваем! Целую! Не задерживайся.—Порывисто клала трубку и, помахивая зонтиком, начинала расхаживать по комнате, поглядывая на ниспадавшие белокурые локоны Кати. Та сидела в углу. На коленях книга,—прочтет строчку и взглянет на нее, улыбается алым ротиком. Потом скоро приходил Виктор; правильнее будет сказать не приходил, а врывался... Мучительно звонко с протяжными вздрагиваниями извещал об этом звонок. Катя выбегала в переднюю посмотреть: „он ли?" Кидалась на шею, целовала в гладко выбритую щеку. „Да, да, здесь, давно ждет, иди же",—и слегка подталкивала его по корридору. Осенью ездили в Финляндию, сидели на горячем песке, щурясь от солнца. Муня, болтая ногами, в белой пикейной шляпе читала вслух стихи, по временам закрывая глаза и вытягиваясь всем своим гибким девичьим телом. А он молча ловил этот момент и бесшумно целовал в изгиб загорелой шейки. Катя, сидевшая немного поодаль, казалось, переживала и это молчаливое дыхание любви, и томительные обнимающие поцелуи, и ей отчего-то,—она сама не знала почему,—становилось вдруг так сладко и отрадно, что она тоже закрывала глаза, опускалась на песок пряча в него тонкие розовые пальцы и... и воображала себя влюбленной взрослой женщиной. Сейчас она вспомнила все эти милые, незабываемые мгновения, все воображения подростка и ей стало грустно. Но не так грустно, не больно—нет,—а жалко... Да разве может расстаться с этим. Конец февраля, последние морозы—это зима на прощанье показывает свое волшебство. А потом.. Потом поедем на дачу к дяде, погостим с месяц да и в Финляндию,—в эту тихую бесшумную страну разнеженной певучести... Так думала Катя, а в это время Виктор Павлович углубился в газету и забыл про стакан „крепкого, крепкого" чая.

Она посмотрела на него, все еще стараясь найти в морщинках его лба и глаз настоящую правду. Она не верила, что ряд бесшабашных кутежей, случайных „свободных" знакомств, ворвавшись со всем своим пьяным, грязным, нелепым шумом, нарушит эту дивную, яркую гармонию любви... А как тихо и ласково набегали волны, целуя концы ее маленьких ног!.. Нет, этого не может быть! Сказка не кончена,—сказка повторится. Она бесконечна и не сбыточна!..

Неужели же никогда больше?... Нет, этого не может быть, это—вздор, это—бред! Как это не сесть в тоненький летний вагон дачного поезда и, просматривая свежую пахнущую печатью книгу, не помчаться на дачу! Не увидеть этих влюбленных глаз, говорящих куда красноречивее, чем все лучшие позты мира!

Так думала Катя и дико для нее прозвучали эти слова: „женщина,—как цветок: он хорош, когда растет где ему вздумается, а стоит его только перенести в комнаты, так он начинает вянуть и ронять лепестки, и в результате останется один голый стебель. Ну, понимаешь?"

„Нет, ничего не понимаю,—мысленно сказала она себе,—не могу понять и не хочу понять"...

— Как это не сесть в тоненький летний вагон дачного поезда и просматривая свежую пахнущую печатью книгу, не помчаться на дачу!

А день разгорался, ширился и раскидывал розовые ризы по небу; замигал белый снег, точно разукрашивал его разноцветными фонариками... Как будто стало темнее, и ветер утих; улеглась метель, и воздух стал мягче и прозрачнее...

Она посмотрела на календарь, когда-то приколотый рукой Муни. „25 февраля. Что же, скоро весна. Ах, как я люблю мутные ручейки талой воды, в них так много жизни, так много безудержной

...Бесшумно подкрадется весна...

молодости"... Посмотрела в окно: тихо, безрадостно. Но ведь радость будет; бесшумно подкрадется весна, бросит сноп горячих лучей и, медленно проваливаясь и понижаясь, будут топиться и таять гигантские снежные шапки, похоронившие тонкие светлые травы. И поднимутся робкие, бледные стебельки травы и запоют, зазвенят о приходе весны. Как женская ласка,—тихая, тлеющая,—будут догорать лучи и целовать еще горячие стекла окон"...

Виктор Павлович поднял голову от газеты, свернул ее раз в восемь и сунул в карман.

— Политика, политика... Что, Катя, ты любишь политику?

Засмеялся мелким старческим смешком.

Легли тоненькие морщинки у глаз—такие неприятные насмешливые. „Как он постарел за эту неделю,—подумала Катя—ведь раньше у него не было таких морщин... Да, раньше не было". На вопрос брата она не ответила, а сразу, будто ее кто то толкнул,—она почти вскрикнула:

— Тому не быть.

И в голосе послышалось дрожание радости, смешанной с недоверием и злобой.

Взглянул на нее. Окинул острым взглядом с головы до лаковых ботинок.

— Чему не быть?

— Да вот тому, что ты придумал!

Виктор Павлович пожал плечами и прикинулся непонимающим. Так, ему захотелось.

— Не понимаю!

—Как не понимаешь; забыл разве, что ты полчаса тому назад говорил?

Он затрясся от смеха, но смех этот был гадкий, деланный, ложный.

— Ах ты, девочка милая, ты все об этом!

— Да, все об этом. Слышишь,—тому не быть!

— Скажите, какая она строгая! Разве так говорят с возлюбленным братом?

Старался пошутить, но вышло плоско и неуместно, а сам в это время думал: „Вот тоже сболтнул при девочке лишнего; теперь, пожалуй, дело до слез дойдет".

Он угадал. Опустив голову, сидела Катя, смотря на кончики пальцев, а на щеку матовую и розовую скатилась крупная, яркая слеза. Как много обиженного и оскорбленного было во всей ее фигуре только что сложившейся женщины. Побелели края ушей и часть шейки залила густая краска. Полуопущенные ресницы придерживали готовую скатиться слезу.

Поднялось, забурлило в нем давно накипевшее.

Не мог он выносить слез—от того ли, что сам часто плакал или, может быть, еще от чего-нибудь. Только он весь передернулся, рот скривился в брезгливую гримасу, нервно заходили руки, перебирая пуговицы пиджака.

— К чему это слезы? Зря я тебе наговорил неподобающих вещей. Думал, что ты уже взрослая,—с тобой поговорить можно. Оказывается,—настоящий ребенок. Э, да чего там, не люблю я когда дети не в свои дела вмешиваются!

Грубость мужчины показала себя во всю ширину и всю свою низость. Теперь его уже, кажется, не могли остановить ни эта робкая, боязливая фигурка, ни слезы, застывшие на матовой бархатной, как кожица персика, щеке, ни тонкие завитки золотистых волос, упавшие на поалевшую шейку.

Катя, не сказав ни слова, встала и вышла из комнаты, осторожно касаясь лаковыми туфельками блестящих квадратиков. И, казалось, вместе с ней ушло и солнце, и ослепительная белизна снега: так стало, вдруг мрачно и сыро в комнате.

Он—ни слова, ни жеста остановить ее, ни движения встать пойти за ней. Лицо окаменело, заволоклось какой то зеленоватой слизью или это только казалось.

— Прислонившись к косяку двери, подложив руку под побледневшую щеку, стиснула кремовые крепкие зубки, расширила блуждающие зрачки...

О чем он думал,—неизвестно. Неподвижный, стеклянный глаз врезался в синеватую мглу. Чашка недопитого кофе застыла на краю стола. Если бы он жестокий и грубый встал и пошел бы в ее комнату, что увидел бы.

Прислонилась к косяку двери, подложив руку под побледневшую щеку, стиснула кремовые крепкие зубки, расширила блуждающие зрачки. Так много неприятного, потерянного играло в них, в черных больших зрачках, отливавших синим.

А как хорошо было читать в кабинки, грея ноги на солнце! А поодаль еще кабинка, рядом—другая, брат и Муня показывает брату порезанный о камушки палец. „Что,—больно? Ничего до свадьбы заживет",—целует извившуюся, свежую...

Смеется,—щекотно... Смех бежит быстро, быстро мелкими шашками и вязнет в нем... Тому не быть! А вечером, чуть... Осторожно и робко всплакнул в передней звонок.

Анатолий Вашков.

Песня труда.

Я—труд, я—труд!
Много, много черных груд
Шлаков, камня и руды
Превратили в сталь труды
Мощных, сказочных богов,
Ныне вольных от оков.
Из железа скован я.
Бесконечна мощь моя...
Я—труд, я труд,
Я—тут!
Я тут, между вас,
Я горю в пожаре глаз,
Я даю вам скорбь и смех,
Я—ремней свободный бег,
В лязге грохоте машин
Я—один!...
Пойте гимны, бейте в горн!
Мчись смелее, красный челн!
Правь, могучий великан.
Ты—титан!

Л. С.

* * *

Как счастлив тот, кому судьба с улыбкой
Подносит алые, пахучие цветы,
Кто не зовет свою любовь ошибкой
И не клянет безумные мечты...
Кто светлые одни лишь видит краски,
А темные, шутя, старается смягчить,
Кто не зовет себя рабом минутной ласки
И голос изменный умеет заглушить...
Кого свободный ум, нетронутый и ясный
На подвиг доблестный восторженно ведет,
Кто мир постиг искусств возвышенно-прекрасный...
Как счастлив тот, как счастлив тот.

Вера Липпе.

* * *

Побороть желанья жуткую тоскою,
Побороть порывы, жажды ожиданий,
Все отдать смиренно жалкому покою,
Власти предугадов и воспоминаний.
Разве это нужно, разве полно смысла
Уходить от песен к скучному бесслову?
Если жизнь мгновенна и так бледны числа,—
Разве это нужно—пренебречь любовью?!

Анатолий Вашков.

Живому Слову.

Лейтесь раскаты от Слова Живого,
Мощно гудите средь края родного,
Звоном будите селян и равнины,
Дебри и горы, поля и долины!

Пусть, точно эхо, живые глаголы
Льются на веси, в сердца и на долы,
Души людей своей песней чаруют,
Жизнь воскрешают, заснувших—волнуют!

Бейтесь, как волны студеного моря
С брегом упорным, с гранитами споря,
Старое руша и вновь созидая...
Будь же свободной, речь Руси живая!

Пусть будут звуки Живого Глагола
Краше, прекраснее арфы Эола
И без соперников в фауне, флоре,
В небе алмазном, в лазурном просторе!

Сей семена свои, Слово Живое,
В сердце столетнее и молодое
Глубже посеешь—обильнее всходы,
Ждут тебя жадно земные народы!

Антип Никаноров.

ХРОНИКА.

Человек выше всего.

(*Анархизм*).

Лекция Г. С. Петрова.

24-го ноября в Н. Большой аудитории Политехнического музея, при большом скоплении слушателей, Г. Петровым была прочитана лекция на тему: „Человек выше всего“. Указав вначале, что в народе и в прессе носятся самые нелепые слухи об анархизме, лектор остановился на следующих учителях анархизма: Годвине, Прудоне, Штирнере, Бакунине, Кропоткине и Толстом, из которых трое по народности—русские; источником такого преобладания русских учителей анархизма над другими лектор считает русскую народную натуру с ее широкими горизонтами и безудержным характером. „Быть может наша недисциплинированность, отсутствие планомерности и задерживательных центров в нашей натуре и есть признаки любви к безначалию, к анархизму“, и поэтому-то русский народ и дал стольких великих учителей анархизма как Бакунин, Кропоткин и Толстой. Заметив далее, что русский народ, наряду с великими завоеваниями в области поэзии, искусства, театра и науки, не имеет самобытной философии, Петров указывает, что отсутствие таковой ясно говорит нам за то, что мы еще переживаем эпоху молодости, что наша неуравновешенность лишний раз говорит за то, что мы еще незрелы и что наша философия и все наше величие—в будущем.

Другие народы пережили свою молодость, как Франция, Германия и Англия, они достигли периода зрелости и судя потому, как мы долго развиваемся (более 1000 лет, считая со дня основания Руси) можно предсказать, что наше существование будет значительно долгое, нежели их. Остановившись на учении Годвина, Прудона и Штирнера, Петров перешел к характеристике Михаила Бакунина и отчасти Кропоткина, не указав на сущность учения последних. Касаясь Кропоткина, он упомянул, что Советская власть многое делает по его рецептам. Учение анархизма—выявление высших творческих сил личности: „человек—творец всех идей и мера вещей, человек—выше всего“. До сего времени анархистом было лишь солнце: тогда как земля и другие планеты вращаются вокруг солнца и находятся в зависимости от него, солнце самостоятельно существует и дает жизнь всему миру, так и человек должен выявить все свои высшие творческие силы и уподобиться солнцу. Дайте нам солнечных юношей, солнечных девушек, откройте внутри себя царствие божие и тогда предстанет миру новая счастливая солнечная жизнь!

Такими словами Петров закончил свою лекцию.

—лай.

Вниманию членов Свободного Союза Молодежи.

На 8-е декабря, в 6 часов вечера, назначено собрание литературной секции. Предмет занятий: чтение и разбор произведений членов Союза. Желающие подвергнуть разбору какое-либо свое произведение, благоволят принести с собою на собрание рукопись оного.

Адрес секции: Тверская, 27, кв. 51, рядом с Московским Совдепом.

Социалистическая Академия Общественных Наук.

15-го ноября с. г. Советом Слушателей С. А. О. Н. был устроен концерт-митинг, посвященный годовщине взятия Кремля.

В актовом зале бывшей Практической Академии собралось около 700 человек посетителей; состав их больше интеллигентский, рабочих почти незаметно.

После некоторого ожидания митинг открывает член С. А. О. Н т. М. Покровский. Он дает историческую справку об октябрьских днях в Москве.

Без нее,—говорит он,—Петербургская революция не удалась бы. Временное Правительство переехало бы в Москву и из нее руководило бы организацией похода на красный Питер. Повторилось бы значение Версаля для Парижа 1870 г.

Далее оратор сравнивает Великую Французскую Революцию с Великой Русской.

Обе они великие,—говорит он,—но все же разница между ними есть. В то время, как первая была проведена блестяще в политическом отношении, социальные результаты ее были совершенно ничтожны, вторая же, наоборот, политически прошла неудачно, но социальное значение ее громадно.

Заговорив о Французской Революции, т. Покровский раз'ясняет взаимоотношение классов, их общественный вес, а также и причину отхода буржуазии от революции и успеха контр-революции.

Пролетариат представлял в то время пыль, так как он был рассеян по всей Франции, и отдельные пылинки его не могли противиться урагану буржуазии.

Опыт Французской Революции многому научил буржуазию, не только французскую, но и всемирную. Примером этого может служить предусмотрительность русских помещиков, проявленная ими при освобождении крестьян от крепостной зависимости. Боясь создания в России революционного пролетариата, они наделили освобожденных крестьян землей, достаточной лишь для прикрепления их к ней, но недостаточной для существования.

После всеобщей забастовки в 1905 г. буржуазия, шедшая до того вместе с социалистами против самодержавия, правильно учтя все растущее влияние пролетариата, перешла на сторону врагов народа.

Современную Русскую Революцию породила великая война, и это в самом начале ее предсказывали теоретики революции.

Буржуазия не верила этому и потому допустила войну. Она забыла, что война вызывает колоссальное разрушение производительных сил и не менее колоссальное озлобление масс.

Кроме того, во время войны ею был сделан ряд ошибок. Ошибкой был Брест Русский; он ограбил Русскую Революцию; но не убил ее. Не меньшей ошибкой будет и Брест Германский. Буржуазия Согласия повторяет ошибку Германии. Основанием же всех этих заблуждений является тот факт, что она смотрит на события, как на влияние отдельных лиц, а не массовой стихии.

Следствием всех этих ошибок и явилась Русская Революция. Октябрь—победа не только пролетарского оружия, но и пролетарской мысли пролетарской идеологии.

Затем т. Покровский рассказывает о своих личных переживаниях в октябре 1917 года. По его предложению, собравшиеся поднимаются, чтобы почтить память павших товарищей.

В то же время на рояли играют торжественный марш „Похоронный“ Шопена.

Следующим оратором выступает т. И. Скворцов-Степанов.

— Двадцать месяцев революции,—говорит он,—многому нас научили, и мы можем теперь без ошибки смотреть на будущее революции.

— Течение германской революции не должно внушать опасения в России.

— Достаточно вспомнить положение большевиков в Москве в мае и июне 1917 г., во время наступления „18 июня“, о гонениях на них, чтобы вспомнить, что и Германия пройдет те же фазисы развития, какие прошла Россия“.

Далее оратор приводит воспоминания о партийной работе коммунистов.

Последним выступает проф. Рейснер, член президиума С. А. О. Н. Он говорит об интеллигенции.

— Где она, та интеллигенция, те носители духа, те, которые собрали колосальные знания?

— Что сделали они, самые лучшие, самые богатейшие, самые верные сыны русского народа?

— Они потрясали авторитетами и старались загнать народ назад, в темную зловонную яму.—

— Назад! Вы,—подлые, вы—грязные, вы—Saintes, Canailles, назад! Кричали они захлебываясь.

— Как вы смеете прикасаться к чистому храму науки? Вы думаете, что если равенство,—так вы, вы нам равны?

— Интеллигенция ждала того времени, когда именем народа она будет властвовать над ним. Она хотела демократию превратить в адвокатократию и забастовкой и саботажем боролась с стремлением народа к самостоятельности.

— Отныне не будет разницы между интеллигентом и рабочим; не будет застоя мысли.

— Да здравствует пролетариат, ставший интеллигенцией,—кончает свою образную, горячую речь т. Рейснер.

По окончании речей был об'явлен перерыв, во время которого собравшимся был предложен сытный ужин. После перерыва начался концерт, продолжавшийся свыше 2½ часов.

Тимов.

КОВРОВ Владим. губ.

С первых дней революции, весенних дней в природе и весенних дней русского народа, в молодежи ощутилось стремление к тесной организации, к творческой деятельности.

Во всех концах дорогой России день за днем открывались десятками союзы молодежи на пользу себе и на пользу великого русского народа.

В Коврове открылся сначала ученический кружок; инициаторами были учащиеся реального училища и женской гимназии. На первом плане стояла взаимопомощь. Кружок устраивал спектакли и народные гуляния в городском саду.

В июле месяце начал функционировать кружок „Юноша“, переименованный потом в „Кружок молодежи имени Островского“. Большинство членов состояло из неучащейся молодежи интеллигентного труда. По уставу кружка учащиеся не могли быть членами кружка. Инициаторами кружка устроены были в город. саду спектакль и народное гуляние. Не смотря на неудачный выбор пьесы, сбор со спектакля превысил 1000 руб. На первых порах кружок имел большой интерес у Ковровской молодежи, но затем у большинства членов, вследствие ложных отступлений от идеалов кружка инициаторов, получилось разочарование. В настоящее время кружок в упадке.

По примеру кружка имени Островского весною текущего года организовался кружок рабочей молодежи при фабрике Н-в Треумова. Устроен был ряд спектаклей в начальной школе при фабрике. Кружок стойко стоит на страже своих интересов и успех его немалый.

В мае месяце союз социалистической молодежи „III Интернационал“ в клубе железнодорожников поставил пьесу М. Горького „Супруги Орлова“. Союзы III Интернационала организованы были и в некоторых селах уезда. Встречает большое сочувствие и кружок учащих и учащихся в местечке Камешках, Ковр. у.; сельской молодежью устроены были спектакли в с. Малышеве и Осипове. В ближайшем будущем по возможности дам более подробные сведения о значении организаций. Внастоящее время у молодежи большой интерес растет к московскому С. С. М. Нужно надеяться, что в недалеком будущем в Коврове будет организован такой же союз.

Агент **М. Масленников.**

К молодым товарищам!

Редакция убедительно просит рабочую, крестьянскую, красноармейскую, учащуюся и вообще всю молодежь сообщать о своей жизни и работе в отдел „Хроника“, дабы журнал мог полнее освещать молодежь.

Смесь и задачи.

* * *

Когда футуристы-новаторы обогатили русский язык новыми словами, то общество и критика гнусно подняли их на-смех, считая их чуть ли не сумасшедшими, которые захотели выкинуть очередную ненормальную выходку.

Но, как водится, у нас, когда преподносят что-либо новое, общество, не разбираясь, моментально выносит свое решение: „Ерунда! Глупости!“.

А жизнь, самая настоящая жизнь, гораздо быстрее идет вперед, чем это мы думаем.

Что вчера казалось ерундой, чуть ли не безумием (!), сегодня—наша необходимость.

Вчера нас возмущали слова: окалошить, остеклянить, горностояль,—сегодня же нисколько не коробят нас такие слова, как: Наркомпотель, Совнархоз, Райпродком и др.

И невольно вспоминаются слова Корнея Чуковского:

„Слова сожмутся, сократятся, сгустятся. Это будут слова—молнии, слова—экспрессы. Кто знает, что сделала Америка с английской речью за последние два десятилетия, тот поймет, о чем я говорю: что янки расскажет в минуту, по-русски нужно рассказывать впятеро. Трата словесной энергии страшная, а необходима экономия; „некогда“—это нынче всесветский девиз; он то и преобразит наш ленивый, медлительный, захолустно-обломовский язык в быструю „телеграфную“ речь. Тогда то такие слова, как *окалошить, осупружиться, навареннться, женоклуб, златополдень, экстазить, миражить* (курсив К. Ч.) станут полноправны и ценны.

Да! Слова „сожмутся, сократятся, сгустятся“. Нам некогда (жизнь молниеносно быстра) из'ясняться длинной речью, нам некогда, и мы должны ее сократить, должны не бояться новых слов. Нет, не только бояться их, но должны даже вводить!

Посмотрите, ведь, как жизненны и понятны употребляемые нами слова: Совдеп, Нарком, Пролеткульт, Наркомзем и др.

Ведь, как длинно-лениво говорите вы: Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Вам, человеку города, так говорить длинно некогда, и вот является слово: совдеп.

Новых слов мы должны не пугаться, они жизненны и так или иначе войдут в нашу речь.

Пройдет какой-либо десяток лет, и наш лениво-медлительный язык, как сказал Корней Чуковский, обратится в „телеграфную“ речь.

Григорий Шмерельсон.

Шарады. № 6.

Мой первый слог всегда найдешь,
Коль в церковь вздумаешь заглянуть.
Второй мой слог тогда поймешь,
Коль ноты изучать ты станешь.
И в каждом доме, минув порог,
Ты верно вступишь в третий слог.
Последний слог—одна лишь буква;
Ей Революция дала
Большие новые права
Все вместе—труд большой писателя,
Поэта братства и любви,
Все вместе—то, что всяк трудящийся
Ждет все оставшиеся дни.

А. Л.

В трамвае.

— Кар-р-раул! У меня часы стащили!

— Не беспокойтесь, товарищ! Сейчас до вокзала доедем, там и посмотрите, сколько времени!

Магическая фигура № 1.

			1			
		21	2	22		
	23	24	3	25	26	
27	28	29	4	30	31	32
	33	34	5	35	36	
37	38	39	6	40	41	42
	43	44	7	45	46	
		47	8	48		
	49	50	9	51	52	
53	54	55	10	56	57	58
59	60	61	11	62	63	64
	65	66	12	67	68	
		69	13	70		
	71	72	14	73	74	
75	76	77	15	78	79	80
	81	82	16	83	84	
85	86	87	17	88	89	90
	91	92	18	93	94	
		95	19	96		
			20			

Даны буквы: 11—а, 2—б, 1—в, 6—г, 3—д, 6—е, 1—ж, 2—з, 9—и, 1—й, 3—к, 6—л, 4—м, 5—н, 13—о, 6—п, 8—р, 2—т, 1—у, 1—ч, 1—ш, 3—ы, 1—я. В данной фигуре расставить буквы так, чтобы можно было прочесть 18 слов и одну русскую пословицу. Значение слов: 1) 21, 2, 22—бедствие; 2) 23, 24, 3, 25, 26—мужское имя; 3) 27, 28, 29, 4, 30, 31, 32—косметическое средство; 4) 33, 34, 5, 35, 36—женское имя; 5) 37, 38, 39, 6, 40, 41, 42—животное; 6) 43, 44, 7, 45, 46—гор. во Франции; 7) 47, 8, 48—франц. маршал; 8) 49, 50, 9, 51, 52—назв. одного парохода—героя японской войны; 9) 53, 54, 55, 10, 56, 57, 58—музык. сочинение; 10) 59, 60, 61, 11, 62, 63, 64—горы в Австро-Венгрии; 11) 65, 66, 12, 67, 68—бедствие; 12) 69, 13, 70—река; 13) 71, 72, 14, 73, 74—гор. в Нидерландии; 14) 75, 76, 77, 15, 78, 79, 80—страшный из людей; 15) 81, 82, 16, 83, 84—несчастные люди; 16) 85, 86, 87, 17, 88, 89, 90—жилище зверей; 17) 91, 92, 18, 93, 94—принадл. у кавалериста; 18) 95, 19, 96—творение; 19) 1, 20—пословица.

А. С.

Ученические частушки.

(О недавнем прошлом).

1 Целый день учил латынь,—
Ни черта не понял.
А учитель то колом
Не один раз донял.

2. Геометрии урок
Мухи все летают.
Теоремы лишь одни
Доски черны знают.

3. Душно, товарищи, сидеть
В нашем скучном классе.
Не пойти ли погулять
С Верочкой и Машей!?

4. Ученический комитет—
Штука-то хорошая!
А скажика-ка ты папаше,—
Изобьет калошею.

5 Сердце лопни, сердце тресни,—
Все латынь учи.
Перестанешь,—мамка выскочит
И кричит: „учи“!

Григус.

Продолжается подписка

на еженедельный, единственный в России богато-иллюстрированный большого формата журнал

„Жизнь и Творчество Русской Молодежи“,

издающийся при самом живом и тесном сотрудничестве всей молодежи всех уголков России.

Подписная цена с пересылкой во все места России: на 12 месяцев—**45 р.**, 6 месяцев—**25 р.**, 3 месяца—**13 р.**, 1 месяц—**4 р 50 к.** Допускается рассрочка: при подписке—**20 р.**, в декабре—**10 р.**, в январе—**10 р.** и в апреле—**5 р.**

Требуются агенты для широкого распространения журнала.

ТРЕБУЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ.

Товарищ! Неужели до сих пор ты еще ни чем не поддержал свой орган: ни сотрудничеством, ни подпиской, ни агентурой?

Торопись, товарищ, и оказывай самое широкое содействие своему единственному журналу!

ТОВАРИЩИ, желающие собирать пожертвования в „Фонд Издательства Русской Молодежи“ по специальным листам, могут требовать таковые в Главной Конторе.

Фонд издательства русской молодежи.

От А. Блюм—20 р., от В. Титовой—15 р. Итого с прежде поступившими—178 руб.

Редактор: Н. В. МАРКОВ.

Издатель: Издательство „РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ“

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ“, Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-06-35.